

Menshiy A., candidate of Philology, doctoral student
Taras Shevchenko national university of Kyiv, Kyiv

SHEVCHENKO'S «SCHOOL» TRADITIONS IN M. STARITSKIY'S WORKS

The article gives an attempt to examine M. Staritskiy's oeuvre according to its succession of aesthetics, philosophy, style features, poetics, genre and narrative of Shevchenko's «school» traditions.

Keywords: *Shevchenko's «school», poetry, prose, drama, style, features of poetics.*

УДК 821.161.1-31

Метолди Е. И., аспирантка
ХНПУ им. Г. С. Сковороды, Харьков

ХАРАКТЕР ВОПЛОЩЕНИЯ ЛИЧНОСТИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В РОМАНЕ В.К. КАНТОРА «КРЕПОСТЬ»

Статья посвящена осмыслению характера воплощения личности Н. Г. Чернышевского в романе «Крепость». Проанализировано восприятие идей мыслителя в разные периоды развития страны, а также определено авторскую позицию В. К. Кантора, существенно корректирующую представления о взглядах Н. Г. Чернышевского и показывающую их актуальность.

Ключевые слова: *вставной текст, реминисценция, революционность, авторство, просвещение, гуманизм.*

Одним из вставных текстов в романе «Крепость» является неопубликованная статья главного героя Ильи Тимашева – «“Эстетика жизни” – о Чернышевском». Представленный читателю отрывок статьи, главным образом, касается понимания эстетической теории русского мыслителя в контексте проблем, поставленных художественной культурой и символическими образами, в которых литература выражала свое понимание действительности.

Анализ свидетельствует о том, что статья, подготовленная Ильей Тимашевым, на самом деле принадлежит В. К. Кантору и была опубликована в книге «В поисках личности: опыт русской классики» (1994) [1], где предпринята попытка рассмотреть динамику формирования и осмысления личности в истории отечественной литературы. Основываясь на анализе деятельности выдающихся российских писателей – М. М. Карамзина, А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, П. Я. Чадаева, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, писателей-философов Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова и других – В. К. Кантор показывает, как в недрах просвещенного российского общества, начало которому было положено реформами государственной власти, сложилось осознание трагической безличности российской действительности – оборотной стороны самодержавного правления.

© Метолди Е. И., 2014

В. К. Кантор видит мессианское предназначение молодой интеллигенции как силы, несущей народу просвещение, «освободительницы от деспотизма» и «гнета» самодержавия. Однако, как показывает история, просвещение российского общества вызвало «резкое критическое отношение к существующему порядку мироустройства» [1:25]. Этого, по мнению автора, оказалось достаточно, чтобы переориентировать власть на сдерживание социальных устремлений интеллигенции и развития в ее среде личностного начала, требовавшего провозглашения и признания за личностью тех прав на свободу творчества и самовыражения, которые в принципе исключала самодержавная система. Проблема человека, точнее – личности стала центральной для всей русской литературы второй половины XVIII – начала XX века. Уже со времен М. М. Карамзина, как справедливо показывает В. К. Кантор, «человеческая мера, примененная к историческим событиям и историческим деятелям» [6 : 31], становится для русской литературы (художественной, научной или философской) определяющей: «...Это литература, обратившаяся к человеку в его соотношении с историей народа и государства» [2: 31]. Усвоение образованным российским обществом таких значимых понятий, как «личность», «государство», «свобода», «просвещение» в корне изменило культурно-мировоззренческий климат, заставило искать теоретически обоснованные перспективы развития России. В этом контексте писатель и обращается к диссертации Н. Г. Чернышевского, полагая, что именно она явилась «теоретическим выражением и обобщением целой эпохи противостояния русской художественной культуры самодержавию» [2: 229].

Во вставном эпизоде В. К. Кантор, в первую очередь, акцентирует внимание на определении главного тезиса, сформулированного в диссертации Н. Г. Чернышевского – «прекрасное есть жизнь». Апеллируя к историко-политическим событиям («мрачное семилетие» (1848-1855) – период правления Николая I или же, как отмечает сам автор «морская полоса»), в рамках которых писалась диссертация, теория молодого мыслителя осмыслена как непосредственная реакция на состояние общественной жизни: «Увиденная их глазами николаевская Россия напоминает “убогое кладбище” (Герцен), “Некрополис”, город мертвых (Чаадаев), “Сандвичевы острова”, то есть, по представлениям XIX века, место, где поедают людей (Никитенко), а обитатели этого мира поголовно – “мертвые души” (Гоголь), как крепостные, так и крепостники...» [2: 233]

Характерно и не случайно упоминание В. К. Кантором в статье метафизической тоски, прозвучавшей в стихах Пушкина уже в первые годы николаевского царствования: «Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана?» (1828) [2: 217]. Напомним, что именно это двустишие автор «Крепости» делает эпиграфом главы «Прекрасное есть жизнь», повествующей о жизненных проблемах Ильи Тимашева. Как представляется, В. К. Кантор устанавливает двойную параллель между своим персонажем и эпохой, в которой он живет, и Николаевским правлением в России, во времена которого работал Н. Г. Чернышевский.

Сам Н. Г. Чернышевский, описывая окружающие его обстоятельства, не раз писал о веками выработанном равнодушии русского общества ко всем высшим интересам общественной, умственной и нравственной жизни, ко всему, что выходит из круга личных житейских забот. Продолжая и теоретически закрепляя традицию великой русской литературы, борющейся против этого «сна-смерти», «мертвого сна», навеваемого русским самодержавием, той «гласно необъявленной, но реально и безостановочно действующей

системы ценностей, когда жизнь человека ничего не стоит, Чернышевский выдвинул свой знаменитый тезис: “Прекрасное есть жизнь”» [2: 234]. В. К. Кантор прав, утверждая, что в те годы это был революционный тезис, который знаменовал переворот в ценностной ориентации общества.

Однако нам также представляется очевидным, что обращение к личности Н. Г. Чернышевского раскрывает более глубокую позицию автора по отношению к роли мыслителя в исторически-социальных изменениях. Заканчивая статью, как реально опубликованную, так и редактируемую Ильей Тимашевым, В. К. Кантор резюмирует: «Несчастный Чернышевский! Не понятый ни сторонниками, ни противниками! Жизнь положивший, чтоб послужить России, и оклеветанный всеми» [2: 234]. Он продолжает длительную полемику об отношении разных поколений к трактовке личности Н. Г. Чернышевского.

Исторические воззрения Н. Г. Чернышевского хорошо изучены. Их восприятие обусловлено наличием устоявшегося, жесткого штампа в оценке его личности и творчества. Как полагает Е. В. Листвина, [3: 20] историю восприятия идей Н. Г. Чернышевского можно поделить на три периода. Первый связан с дореволюционным этапом, когда Н. Г. Чернышевский воспринимался как харизматическая личность и сторонниками, и яркими противниками. Второй период наступил после 1917 г., когда отношение к нему определялось его вкладом в освободительное движение XIX века, как его тогда понимали. На этом этапе складывался образ Н. Г. Чернышевского, отличающийся все большей и большей хрестоматийностью, «кого бы из него ни пытались сделать – хитрого заговорщика, призывавшего к восстанию, или чистого теоретика» [3: 20]. Тогда формируется образ Г. Н. Чернышевского, вписанный в довольно узкие рамки привычного образа революционера, готовившего почву для будущих великих свершений потомков. Третий этап начался в середине 80-х гг. XX века. Попытки переосмысления роли и места Н. Г. Чернышевского в общественной мысли России приходятся на конец 1980-х – начало 1990-х годов.

Большой вклад в переосмысления идей Н. Г. Чернышевского в этот период сделан М. Д. Карпачевым. В монографии «Истоки российской революции: легенды и реальность» (1991) [4], исследуя революционно-демократическое движение в России 60-х гг. прошлого столетия, автор отделяет А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского от общего революционного движения, называет Н. Г. Чернышевского главой поколения «радикальной интеллигенции», однако продолжает называть Чернышевского «революционером». Хотя М. Д. Карпачев не сделал в своей книге коренного переосмысления наследия Н. Г. Чернышевского, его концепция была большим шагом вперед в советской историографии, заложившей основу для возможных интерпретаций учения Н. Г. Чернышевского.

В работе Е. А. Карилловой [5] рассматриваются идеологические взгляды Н. Г. Чернышевского и отношение к ним в послереволюционной России. В ней Н. Г. Чернышевский назван крупнейшим философом-экономистом. Автор полагает, что для Н. Г. Чернышевского главным путем развития общества является социализм, а социализация мировоззрения, идеологии людей – это и есть путь переустройства общества. Думается, в этой работе еще слышен ленинский подход, не изжитый исторической наукой и имевший влияние на исследователей 80-х-90-х годов.

В 1996 г. в книге А. И. Володина [6] представления о мыслителе уже несколько отстранены от оценок, навязанных советской наукой, избавлены от крайностей

и стереотипов. Автор предлагает отказаться от разделения западников на революционеров-демократов и буржуазных-либералов, пытается осмыслить либеральные мысли Н. Г. Чернышевского, приводя его доводы о ценности личности и индивидуализме, о демократии.

В 2000 г. вышла коллективная многотомная работа «Из истории русской культуры» [7], пятый том которой был посвящен XIX столетию. В этой работе философия и футурологические идеи Н. Г. Чернышевского представлены в свете советских определений, хотя сам мыслитель представлен радикальным демократом, готовящимся к «революционным кровавым битвам».

Еще одну попытку переосмыслить место и роль Н. Г. Чернышевского в становлении и развитии русской мысли предпринимает Н. А. Троицкий [8]. Он указывает на заблуждение предшественников, говоривших о революционных устремлениях Н. Г. Чернышевского. Н. А. Троицкий отвергает его авторство в «Письме из провинции», опровергает принадлежность ему идеи о немедленном крестьянском восстании, однако не отвергает его мысли о возможности революции и готовности к ней.

В этом контексте попытка В. К. Кантора переосмыслить роль Н. Г. Чернышевского и сущность его наследия представляется важной и ценной. В книге «Поиск личности: опыт русской классики» писатель аргументировано развенчивает ряд сложившихся мифов о Н. Г. Чернышевском и стремится пересмотреть его писательскую репутацию. Так, он последовательно анализирует идеи Н. Г. Чернышевского о векторе развития общества, касается «христианского пафоса Н.Г.Ч.» и дает определение «революционным изменениям как методу борьбы с произволом», отрицая самый главный тезис, вокруг которого и образовались другие мифы, – революционная направленность творчества писателя. В. К. Кантор приводит выдержки из его разных работ, опровергающих жажду революции, с одной стороны, и доказывающих стремление к эволюционному развитию, с другой, – настаивает, что двигатель общественного развития, благоустройства общества для Н. Г. Чернышевского – самостоятельная личность: «Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергии в защите своей личности от притеснений. Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни. Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе» [9: 695]. В. К. Кантор обращает внимание на то, что для Н. Г. Чернышевского развитие общества заключалось не в революции и не в слепом разрушении старого, а, прежде всего, в просвещении. Одним из аргументов, который приводит В. К. Кантор для снятия навязанного Н. Г. Чернышевскому образа революционера, является цитата из «Писем без адреса»: «Все лица и общественные слои, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки. Не вы одни, а также и мы желали бы избежать ее. Ведь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее, <...>– интерес просвещения» [9: 92]. Однако особого внимания заслуживает характеристика самого Н. Г. Чернышевского, данная В. К. Кантором. Писатель опровергает его авторство в тексте «Письма из провинции», где звучит призыв «к топору», находя, в частности, ряд логических нестыковок [1: 130-135], отмечает, что автор письма говорит, что жил в «глухой провинции» во время Крымской войны, но Саратов, откуда сам мыслитель, никогда не был глухой провинцией. В. К. Кантор полагает, что автором нашумевшего письма был

П. Т. Огарев, а не Н. Г. Чернышевский, а этозначительно корректирует существующие представления о его взглядах.

Сравнивая призывы из письма: «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет!» [1: 140] с некоторыми другими текстами писателя, В. К. Кантор приходит к выводу, что произвол и насилие – самые ненавистные для Н. Г. Чернышевского понятия идут в разрез с его основополагающими идеями.

Проблему авторства прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» он решает в пользу Н. Г. Чернышевского или, во всяком случае, готов признать причастность к ее созданию [1: 146]. Называя его гуманистом, пытавшемся предотвратить в своих зрелых произведениях катастрофическое течение событий: «...а для того изменить саму систему российских ценностей, где кровь людская как водица, а человек ни во что не ставится», В. К. Кантор склонен говорить о том, что Н. Г. Чернышевский призывает крестьян не восставать, ибо, «договорившись с умом, можно людям без крови жизнь устроить» [1: 146]. Согласно Н. Г. Чернышевскому, преодоление мятежности общества возможно лишь средствами подлинного и глубинного просвещения нации, идущего через усвоение христианства как основополагающей составляющей культуры.

В. К. Кантор находит для Н. Г. Чернышевского оригинальное определение: «демо-критический» мыслитель. Когда большинство его современников говорили об уникальности народа, – и православные мыслители, и разночинные писатели, и радикалы, и А. И. Герцен, и Л. Н. Толстой, и Ф. М. Достоевский, – Н. Г. Чернышевский призывал к более реалистичной позиции: «Забудемте же, кто светский человек, кто купец или мешанин, кто мужик, будемте всех считать просто людьми и судить о каждом по человеческой психологии, не дозволяя себе утаивать перед самими собою истину ради мужицкого звания», – писал демократ [9: 862]. Можно согласиться с М. В. Зенкиным, что Н. Г. Чернышевский не мог получить признание, поскольку не льстил народу и не идеализировал его[10].

Переоценка личности Н. Г. Чернышевского и его взглядов привела В. К. Кантора к выводу об их глубоком гуманизме и демократизме. Статья, посвященная Н. Г. Чернышевскому, в 1996 г. стала вставным эпизодом в романе «Крепость» и вошла в него в сокращенном виде, а через четыре года ее текст был включен в статью «Срубленное древо жизни. Можно ли сегодня рассуждать о Чернышевском?» с подзаголовком «Тень смерти, или Система ценностей николаевского царства». Текст статьи и вставного эпизода и практически идентичны за исключением определенных незначительных разночтений. Но в тексте вставного эпизода Илья Тимашев упоминает к А. И. Герцена, говорившего, что «в самой пасти чудовища выделяются дети, не похожие на других детей; они растут, развиваются и начинают жить совсем другой жизнью. Слабые, ничтожные, ничем не поддержанные, напротив, всем гонимые, они легко могут погибнуть без малейшего следа, но остаются, и если умирают на поддороге, то не все умирает с ними. Это начальные ячейки, зародыши истории, едва существующие, как все зародыши вообще». Приводится здесь и мысль А. С. Хомякова, полагавшего, что крепостная Россия «игом рабства клеймена». Эти цитаты вошли также в статью В. К. Кантора «Срубленное древо жизни. Можно ли сейчас рассуждать о Чернышевском». Включение этих цитат позволяет

писателю более точно охарактеризовать эпоху, подтвердить мысль В.К. Кантора о потере истинных ценностей общества в эпоху самодержавия.

Писатель устанавливает очевидную параллель между Николаевской эпохой и советским периодом, представлявшей, по его мнению, «искаженно-увеличенное отражение самодержавия» с таким же «убийственным» отношением к человеку, где искусство было призвано служить потребностям самодержавного государства. Проблему личностного выбора и свободу творческого начала В. К. Кантор воплощает в задачах, стоящих перед Ильей Тимашевым и его коллегами по редакции, обязанными писать «нужные» статьи и в заданный срок. Актуально звучит и главный посыл Н. Г. Чернышевского, сформулированные в его диссертации, о том, что основой «прекрасного» (искусства) является жизнью свободной личности. В. К. Кантор утверждает, что Н. Г. Чернышевский ввел новое должествование, новый принцип подхода к искусству, в корне отвергающий любой утилитаризм, принцип создание «чистого искусства», считающегося с внутренним «я» человека, признававший за ним свободу выбора для самого себя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кантор В.К. В поисках личности: опыт русской классики/ В. К. Кантор – М. : Московский философский фонд, 1994. – 240 с.
2. Кантор В.К. Крепость. Роман / В. К. Кантор – М.: «Российская политическая энциклопедия»(РОССПЭН), 2004. – 496с.
3. Листвина Е.В. Н. Г. Чернышевский и современная культура: аспекты взаимодействия / Е. В. Листвина // Сборник научных статей [Общества историков России]. – М.: Спутник+, 2005. – С. 125 – 135.
4. Карпачев М.Д. Истоки российской революции: легенды и реальность/ М. Д. Карпачев– М.: Мысль, 1991. – 272 с.
5. Карилловой Е. А. Очерки радикализма в России XIX века. Философско исторические концепции 40-60 годов / Е. А. Карилова – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1991. – 202 с.
6. Володин А.И. «Что вы Европой нам колете глаз?» (Штрихик портрету российского западничества) / А. И. Володин // В раздумьях о России (XIX век). – «Археографический центр». – 1996.– С. 189-213.
7. Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века / Б. Ф. Егоров // Из истории русской культуры.– Т.V.(XIX век).– М.: Языки русской культуры. – 2000. – 848 с.
8. Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций: Учеб. Пособие / Н. А. Троицкий – М.: Высшая школа, 2003.– 431 с.
9. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т. / Н. Г. Чернышевский. – Т. V, X. – М., 1949. – 461 с.
10. Зенкин М. В. Н. Г. Чернышевский и современная историческая наука / М. В. Зенкин // Гуманитарный журнал. – 2012. – № 4. – С.18-30

Метоліді О. І., аспірантка
ХНПУ ім. Г. С. Сковороди, Харків

ХАРАКТЕР ВТІЛЕННЯ ОСОБИСТОСТІ Н.Г. ЧЕРНИШЕВСЬКИМ У РОМАНІ В.К. КАНТОРА «КРЕПОСТЬ»

Стаття присвячена осмисленню характеру втілення особистості Н. Г. Чернишевського в романі «Крепость». Проаналізовано сприйняття ідей мислителя в різні періоди розвитку країни, а також виявлено авторську позицію В. К. Кантора, яка істотно коригує уявлення про погляди Н. Г. Чернишевського і показує їх актуальність.

Ключові слова: *вставний текст, ремінісценція, революційність, авторство, про-світництво, гуманізм.*

Metolidy O., aspirant
HNPU, Kharkiv

THE UNDERSTANDING OF THE NATURE OF N. G. CHERNYSHEVSKY'S EMBODIMENT IN THE NOVEL «FORTRESS»

The article is devoted to the understanding of the nature of N. G. Chernyshevsky's embodiment in the novel «Fortress».

Keywords: *insert text, reminiscence, revolutionary, authorship, enlightenment, humanism.*

УДК 398.332.1(476.2-37Лельчицы)

Новак В. С., д-р. фил. наук, проф.
УО «ГГУ имени Ф. Скорины», Гомель, Беларусь

ТРАДИЦИИ ВЕСЕННЕЙ ОБРЯДНОСТИ ЛЕЛЬЧИЦКОГО РАЙОНА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБРЯД ВСТРЕЧИ ВЕСНЫ

В статье на богатом фактическом материале рассматриваются локальные особенности обряда закликания весны в Лельчицком районе Гомельской области.

Ключевые слова: *обряд, ритуал, обрядовое печенье, песня, обрядовые действия, местная специфика.*

Весенняя обрядность Гомельщины имеет свои особенности в каждом из районов этого региона. Богатством местной специфики отличаются весенние обряды и песни Лельчицкого района. Обряд закликания весны – один из первых в системе весенней обрядности – проводился в сёлах в разное время: 15 февраля на Стреченье (дд. Боровое, Дуброва, Симоничи), 9 марта по ст. стилю на Сороки (д. Липляны), 14 марта (д. Милашевичи), 25 марта на Благовещение (д. Синицкое Поле). Среди структурных

© *Новак В. С.*, 2014